

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

Часть 1

НИСХОЖДЕНИЕ

Но как они, познав Бога, не прославили Его
как Бога и не возблагодарили,
но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось
несмысленное их сердце;

называя себя мудрыми, обезумели, и славу
нетленного Бога изменили в образ, подобный
тленному человеку, и птицам, и четвероногим,
и пресмыкающимся, — то и предал их Бог в похотях
сердец их нечистоте, так что они сквернили сами свои
тела.

Они заменили истину Божию ложью,
и поклонялись, и служили твари вместо Творца,
Который благословен вовеки.

Послание к Римлянам 1:21–25

Глава 1

Свой жизни путь пройдя
до половины...

*Пробуждение писателя. Петля. «Виденье гробовое».
Незнакомка.*

...Ее смех поддразнивал, распалял, увлекал за собой в опасную, но такую сладостную игру, что Денис, даже если бы хотел, не смог бы найти в себе силы отказаться от того ядовитого плода, которым соблазняла его та, что сейчас властвовала над ним. Она, казалось, имела на него все права, распоряжалась его телом, словно он был не человеком, не мужчиной «активно за сорок», не известным писателем, а искусно вылепленной из плоти игрушкой, неведомыми силами могущей чувствовать и осязать.

Он ощущал неуловимую, горькую сладость ее духов, чей дух будто свился с длинными прядями ее черных волос. Он чувствовал, как эти длинные, шелковистые волосы щекочут его тело — грудь, живот, а затем

и бедра. Он знал, что пропал, и отчего-то совершенно не сокрушался по этому поводу.

Сейчас, лежа на широкой кровати, поверженный и побежденный, Денис наслаждался своим поражением. Его буйное писательское воображение рисовало перед ним пленительные аллюзии. Вот он — монах, павший в схватке с суккубом, а она — обольстительная демонесса, явившаяся к нему среди ночи. Неплохой эротический роман бы получился! Немного скандала, пару капель запретного и порядочная горсть откровенности — убойный коктейль. Когда-то приятель Михаил предлагал Денису писать «клубничку», но тогда эта идея показалась начинающему писателю глупой. Она и сейчас оставалась таковой, но рядом с Маргаритой даже самые абсурдные фантазии играли новыми красками.

Он протянул руку и коснулся смутно белевшей в темноте груди. Нежнейшая кожа, слегка прохладная на ощупь и такая белая... Как писали в классических романах — лилейно-белая. В одно мгновение любовница схватила его запястье своими хрупкими, но удивительно сильными пальцами и отвела его руку, пригвоздив к подушке. Подхваченная волной страсти, Маргарита плавно покачивалась над ним, выплывая из сумрака как призрак, со своей белоснежной кожей. Призрак наслаждения, дымка экстаза.

Она умела, о, она многое умела! Была способна растягивать наслаждение, чтобы в одну секунду обрушить его на партнера как неудержимую волну. Эта ведьма играла на знакомых ее опытным рукам стру-

нах, зная до точности, когда остановиться, а когда продлить ту мелодию, от которой трепетало его мужское естество.

Денис сходил с ума. В буквальном смысле слова. Достаточно было ему днем вспомнить одну из ее ночных штучек, и его пронзало весьма ощутимое желание. Как в такие минуты он был смущен! Упаси бог, чтобы шаловливые мысли пришли в голову тогда, когда рядом кто-то был. Денис краснел, смущался и отворачивался. Ни дать ни взять вчерашний школьник! Или, как говорила Маргарита, похотливый баран. Он было обиделся на нее, когда она впервые назвала его так. На что Марго обезоруживающе расхохоталась, заставив обиду рассеяться как дым. Она высунула кончик язычка, в чьей кошачьей розовости было пополам и остроты, и нежности известного рода, при воспоминании о которой у Дениса и вовсе снесло голову. Он мог думать только об одном. «Похотливый баран и есть, — хрипло прошептал он, затем засмеялся и добавил, неуклюже защищаясь под видом комплимента: — Это ты меня таким делаешь!» — «Ja, ja, natürlich», — ответила Маргарита, с милейшим немецким акцентом. Даже каблучками черных туфелек щелкнула и снова рассмеялась. Всегда она могла уложить его на обе лопатки — хоть в фигуральном, хоть в буквальном смысле. Как сейчас, например.

Танец ее бедер, скользящая шелковистость длинных волос, трепет налитой груди — все это сливалось перед Денисом в водоворот, тянувший его ко дну.

И он падал, разлетался на щепки, хотя все его нутро рвалось ввысь, к пику, к долгожданному финалу. Этот финал не замедлил последовать, сорвав и с его, и с ее губ переливчатый протяжный стон. Женщина... Она роскошная женщина, черт его раздери!

Денис потянулся к партнерше и тут же отпрянул. Шутка серебристого лунного света или его собственного разгоряченного экстазом воображения — но в одну секунду ему почудилось, что на бедрах его и вправду примостилась ведьма, чья налитая грудь и белая шея отливают голубой чешуей. Он чуть не вскрикнул, когда она приложила два пальца к его губам и улыбнулась. Между синеватой кромкой губ скользнул змеиный язык. Денис дрогнул и сморгнул. И вот он вновь видит капризные губы со следами помады, темно-карие, с изредка появляющимися золотистыми бликами глаза...

— Маленький распутный барашек. — От пота у Дениса слегка завилась короткостриженные волосы, отчего он и вправду сейчас напоминал барашка. Только не распутного, а немножко напуганного.

Она улыбнулась, кривя губы в какой-то похабно-коварной ухмылке, а затем одним выверенным броском, как змея, приникла к нему и впилась зубами в его плечо. Больно! Марго всегда умело и больно кусается. Но никогда не оставляет следов. Никогда. Черт ее знает, как у нее это получается. Но как же он ее хотел... До безумия. Что за женщина! Вот уж воистину — ради которой стоит умереть. Или как там говорят в рекламных слоганах к комиксам?

Денис не помнил. Ну и ладно. Плевать! Он был оглушен. Маргарита соскользнула с кровати, оставив его одного — растоптанного и распростертого. Сил хватило лишь на то, чтобы повернуть голову и взглянуть на свою мучительницу.

Он видел в своей жизни многих женщин, но мало кто восхищал его так, как Маргарита. Дело было во все не в идеальных формах или подкорректированном в спортзале теле, хотя тело его любовницы и, по совместительству, помощницы, пиарщицы и «вечно-го двигателя» всего литературного труда он мог бы без преувеличения назвать идеальным. Ощущалась в ее движениях некая воистину кошачья грация, природная сексуальность, куда более важная, нежели чем все изящные линии и плавные формы, вместе взятые. Сейчас, например, Маргарита, собираясь в душ, завязывала длинные черные волосы в узел. Эти движения, не раз воспетые художниками прошлых веков, возбуждали не меньше, чем раскованные виляния бедрами. Денис, до сего момента утомленный донельзя, встрепенулся и потянулся было к соблазнительнице, но та, сделав шаг прочь, расхохоталась:

— Э, нет! Хорошенького понемножку!

— Маргарита! — Он попытался придать голосу твердость истинного самца, но получил в ответ еще один взрыв смеха.

— Ты сегодня и так потрудился на славу, мой барашек. Подумай лучше о серьезных вещах. Например, о твоей главной рукописи. Она скучает без твоего внимания. Нельзя же столько времени отдавать тво-

ему бесшабашному скандинаву! — Марго покачала головой, фыркнула не то досадливо, не то смешливо и продолжила уже на пороге ванной комнаты: — Ты молодец! Не могу удержаться, чтобы который раз не поздравить тебя с успехом. Маховик раскручен. Правда, и работать тебе придется в два раза быстрее. А пока отдыхай. Набирайся сил!

Последнюю фразу она сдобрила красноречивой ухмылкой и скрылась за дверью ванной. Денис снова откинулся на подушки.

«Разбаловала она меня, — лениво подумал он под шуршание душа. — Утром бы не забыть постирать постельное белье... Скотина я все же...»

Да, скотина, но, черт возьми, как хорошо! Хорошо быть разбалованным такой женщиной, как Маргарита. Она никогда не оставалась у него на ночь. Даже если финал их любовной битвы приходился на последние часы ночи — любовница никогда не соглашалась на его джентльменские уговоры оставить ее у себя ночевать. Усмехаясь краешком губ, спешила в душ, быстро одевалась и исчезала, только он ее и видел. Как-то раз Денис попытался проявить твердость, на что Маргарита ответила: «Не провожай, сейчас самая охота!» — и он тогда так и не понял — шутит она или серьезна. Впрочем, ответ на этот вопрос Денис нашел быстро — когда однажды Марго достала любимую мини-плеточку о тринадцати хвостах — с золотой рукояткой и пластиковые шариками на кончике каждого хвоста, — он понял: нет, не шутит. От извращенности Маргариты веяло чем-то откровенно ведьмовским.

* * *

Она никогда не оставляла в квартире Дениса предательских мелочей — тюбик помады, расческу или резинку для волос. Из-за подобной безделицы однажды спалился его сокурсник и лучший друг Михаил — любовница засунула под подушку свои лиловые трусики-стринги. Этот предмет интимного гардероба был обнаружен супругой Михаила Ольгой. За находкой последовал грандиозный скандал, который привел бы к разводу, если бы друзья Михаила до конца отдались бы на волю разбушевавшихся чувств. Ольга сочла за благо закрыть глаза на этот промах мужа, а сам Михаил поклялся себе впредь быть более осмотрительным и не водить рассеянных подружек домой. Ибо чревато.

Забавно, но после Маргариты даже не оставалось шлейфа ее духов. Денис никогда не мог уловить, какой у нее был запах — ни цветочный, ни цитрусовый, ни пряный. Неясный, но манящий, кружащий голову. «Чем пахнут твои духи?!» — однажды не выдержал он. «Это не духи, это флюиды! — расхохоталась она. — Для привлечения таких похотливых маленьких барашков, как ты... ну, не дуйся!»

Она никогда не ныла, как те, что изнывают от отсутствия мужского внимания и любви: «А ты меня любишь? А когда ты приде-о-ошь?!» — и никогда ничего не просила — ни поездок, ни подарков, ни цветов. Напротив, любила дарить сама, чаще всего нужные и добротные вещи — крошечный диктофон,

ежедневник, электрическую зубную щетку последней модели для выездов на многодневные семинары. Компактную, но вместительную сумку-планшет, для тех же выездных мероприятий. И всегда отмахивалась на его возражения: «Не забивай свою гениальную голову. Мне все это ничего не стоит. Думай над текстом!»

Иногда Денис чувствовал себя ущербным, маленьким и ничтожным — подростком, попавшим в мир взрослых. У Маргариты всегда все было схвачено. Она знала нужных людей, нужные места, у нее никогда не возникало проблем. Казалось, если перед ней маячила какая-либо цель, Марго просто протягивала руку и брала нужное, словно спелый плод.

С одной стороны, глядя на эту силу, вера Дениса в себя и собственную самодостаточность таяла, подобно снежному кому на весеннем солнышке. С другой же — чего при таком раскладе он мог еще желать? О чем ему под такой опекой переживать? Ухожен, сыт, семья в полном порядке. Гуляй, как говорят, не хочу.

Когда Денис оставался у Маргариты... о, это была сказка.

К примеру, фантастический секс, о существовании которого он знал только по фильмам «для взрослых» (сначала он называл их так, а потом стал именовать «фильмами для извращенцев»). Когда Денис впервые переступил порог квартиры Марго и стал осматриваться, взгляд его пал на стенд, оббитый темной, с коричнево-шоколадным отливом, кожей. Стенд был

увешан ошейниками, плетками разных видов и пред-
метами, напоминающими мухобойку, которые, как уз-
нал Денис, прогутлив, называются «флоггер». Денис
не стал простодушно интересоваться, любит ли
Марго собак, он вовсе не был наивным и понял, что
девушка увлекается садомазо-развлечениями. Она же,
проследив за направлением его взгляда, подмигнула:

– Что, заинтересовался?

– Не знаю... – пожал плечами Денис. – Пожалуй,
да. С познавательной точки зрения, конечно.

– Хорошо, потом покажу тебе кое-что, – снисхо-
дительно пообещала она. – Но тебе это вряд ли нуж-
но, и углубляться мы в эту тему не будем, не твое это.
Конечно, прежде чем властвовать и приказывать,
надо научиться повиноваться самому. Ты удивисься,
узнав, сколько «сильных мира сего» на досуге сдают-
ся на милость слабых женских рук с кнутом или стеком.
Но **пока** путь радостей кнута не для тебя.

Но потом они все-таки углубились, и Маргарита
показала Денису, каким сладким может быть повино-
вание. Он и не подозревал, насколько это возбужда-
ет, но она вела себя как воспитательница в детском
саду – не запрещала, однако мягко уводила в сторону,
чтобы переключить его внимание:

– Мужчина должен использовать свои сильные
стороны, а на этом фронте ты быстро выдохнешься
и пойдешь ко дну, у тебя начнется депрессия. Я бы хо-
тела видеть тебя успешным писателем, а не игрушкой
для доминирующих дамочек вроде меня – ты очень
мягкий и ведомый, уж извини, солнышко. Слушайся

меня, кто тебе еще правду скажет, кроме друга... Ты мастер слова, писатель, властитель дум — не думай, что я лъщу или шучу, ты ведь и сам чувствуешь, где твое, а где — нет. Нельзя питаться одним острым перцем, так и ножки протянуть недолго.

От этих разговоров Вишняков быстро распалялся, но столь же быстро и прогорал, и она безжалостно пригвождала: «Говорила я тебе? Каждый должен заниматься своим делом!»

Утром его ожидал кофе в постель, выключенные телефоны и включенный макбук под нос: «Давай, стучи по клавишам, трудяга. Стучи быстро. Закончишь с этой мелочью, будешь писать о **главном...**» Потом следовал ненавязчиво подсунутый под тот же нос ланч, который поглощался писателем без перерыва, по ходу работы. Часа в четыре Денис устало отодвигался от компьютера, выбираясь из придуманного им мира Олафа-варвара.

— Добро пожаловать в реальность, — улыбаясь, говорила Маргарита, и он вспоминал, что голоден. Затем следовал новый нырок в псевдоскандинавский эпос, а выныривал Денис вновь в объятия Маргариты...

Она подзаряжала его энергией, как неистощимый аккумулятор. Когда Денис думал, что полностью опустошен, к нему приходило второе дыхание, а затем третье, четвертое... Как говорится, «что тут думать, трясти надо!». Он тряс, и плоды падали в его подставленные ладони.

...Хлопнула входная дверь, и на секунду Денис понял, что зверски проголодался, но встать уже не было сил. «Жизнь все-таки прекрасная штука, черт подери!» — успел подумать он, погружаясь в бездонную тьму.

* * *

Потом сквозь прикрытые веки зазолотился солнечный свет.

Вишняков распахнул глаза. Ослепительное солнце, голубое небо с редкими облачками, ветерок ласково овеивает разгоряченное лицо, почему-то пахнет морем...

Какое море?!

А что... Что это такое?!

Прямо перед его носом покачивалась петля. Отвратительно грубая веревка с торчащими из нее частичками костры. Почему-то именно эти кусочки вызвали в нем мучительный протест — он представил, как они впиваются ему в шею, царапают...

«Не хочу!» — метнулась паническая мысль.

Наспех оструганные доски под ногами. Не привыкшие ходить босиком ступни чувствовали шероховатость дерева, занозы впивались в неогрубевшую кожу. На чем он стоит? Даже не люк, табуретка. Мелочи виделись, как под увеличительным стеклом. Щекотки одревеневших волокон он испугался, а того, что его сейчас вздернут за здорово живешь...

И в эту секунду Денис понял, что все взаправду. Эти недоструганные доски, петля, жара и его глухо стучащее сердце. Он заметался, попытался сдвинуться с места, но локти оказались туго стянутыми за спиной; хотел крикнуть, но горло выдало какой-то сдавленный писк. Что это, почему, где он? Впрочем, какая разница, где! Он стоит на какой-то табуретке, связанный... Может быть, его сонного увезли? Наркотиками накачали? Кто? Маргарита? Но какая разница, кто... Его, Дениса Вишнякова, сейчас не станет, и помощи ждать неоткуда.

Не хочу!

За спиной глухо, гулко и медленно застучали тамтамы. Такой звук получается, если в туго натянутую кожу бить обернутой в мех колотушкой. Жуть, мракобесие! За что?!

Петля продолжала издевательски покачиваться, через нее проглядывало белое пушистое облако, лучик солнца ласкал скулу, а сердце уже било пудовым молотом, вторя тамтамам за спиной, отдавая в виски. Он замычал из последних сил, рванулся вперед, табуретка покачнулась, Денис с криком полетел вниз, на доски помоста...

...И вздрогнул, когда понял, что «приземлился» на собственную кровать, этот рывок и крик вытолкнули его из ночного кошмара.

Это сон? Наваждение закончилось? Лучик солнца действительно грел его лицо, пробившись сквозь прозрачный тюль занавески, но это было не там, а здесь, в его квартире, на родной семейной дву-

спальной кровати... в которой вчера торжествовала над ним ведьма-суккуб Маргарита. А почему так чудовищно громко продолжает стучать сердце?! Нет, конечно, сердце не может издавать таких звуков. Денис уже проснулся, хотя и видел окружающую его реальность как в тумане. Так и до сердечного приступа недалеко...

Стучали в дверь.

Руки Дениса еще подрагивали, а дыхание было спертым, когда он, путаясь ногами в покрывале, выкарабкался из кровати. Странно, что стучат — электричество, что ли, вырубили... Звонок же есть... А сердце все частило. Жуткий сон, жуткий. И как хорошо, что это просто сон. Привыкнуть бы теперь к мысли, что это был просто сон...

Даже не спросив: «Кто там?», Денис открыл дверь. За нею на площадке стоял персонаж, достойный появиться еще в одном кошмаре.

Дядька лет пятидесяти, одетый в синий, выдавший виды рабочий комбинезон, в стоптанных тяжелых ботинках, покрытых, как и края штанин, серой, заскорузлой грязью. Грузная и нелепая фигура, голова словно вдавлена в плечи, шеи просто не видно. Как будто ее нет и вовсе. Морщины такие глубокие, точно вырезаны стамеской. Как персонаж из семейки Адамс... Из левого нагрудного кармана у мужика торчала рулетка, из правого отвертка.

— Вам кого? — опомнился Денис, поймав себя на том, что неприлично долго молчит и рассматривает пришедшего.

Гость, который явно мог бы стать подходящим кандидатом для съемок в фильме ужасов, ответил ему сначала непроницаемым взглядом мутноватых осоловелых глаз под клоками спутанных седых бровей, густых, как у кормчего застоя. Затем прокашлялся и сипло сказал:

— Так это... Где покойный-то? Куда проходить?

От неожиданности сердце, недавно едва успокоившееся, снова трепыхнулось, а реальность поплыла. Что это еще за «виденье гробовое»?

— Какой еще покойный? — сердито спросил Денис.

— Так это... — топтался на месте дядька. — Вызов был. На обмер.

— Какой еще... к черту... обмер?! — сердился Денис.

— На обмер покойника, ясен хрен, — невозмутимо ответил визитер. — Вызов поступил в нашу контору.

Несколько секунд Денис тупо соображал, не очередной ли это сон? Затем наконец попытался взять себя в руки.

«В полицию позвонить? Или послать этого типа куда подальше?..» — пронеслась мысль, но предательский холодок засосал под ложечкой. Отвертка, надо же... У похоронного «обмерщика» из кармана отвертка торчит! «Гроб длиной в тринадцать отверток, шириной в пять... Тридцать восемь попугаев, вот же...» — пронеслось у Вишнякова в голове сумасшедшим галопом.

Но дядька засуетился вдруг и стал копать в карманах спецовки:

– Сейчас, минутку, найду... Накладная тут у меня, как же без накладной... А, вот, пожалуйста!

И на его твердой, шершавой даже на вид ладони появилась желтоватая, сложенная вчетверо бумажка. И этой бумажкой он стал неловко тыкать в сторону Дениса. Тот брезгливо взял листок и развернул. Первый Хвостов переулоч, правильно... ага...

– У нас Первый Хвостов переулоч, одиннадцать «А», – с ненавистью произнес он.

– Ну и? – не понял работяга.

– А у вас в накладной Первый Хвостов, один «А»! – почти прокричал Денис и ткнул бумажку обратно. – Вот и ну! Баранки гну!

– Эх, вот елки зеленые! – простодушно изумился персонаж и вгляделся в свою бумаженцию, словно видел ее впервые. – Бывает же такое, это мне Светка, скотина, сказала, что одиннадцать, а я и не посмотрел... Ну, извиняйте тогда, не со зла я...

– Будьте любезны, – с ехидством раскланялся Вишняков.

– Да как это я... – пробормотал гробовых дел мастер. – Вот так промашка вышла... Вот и давеча тоже... Уж там, на кладбище. Выкопали мы могилку, а потом прибегают – не там выкопали! Могилку-то! А как же не там, когда в накладной же номер, и место, и...

– Да уйдете вы, в конце-то концов? – теряя терпение, прикрикнул на гостя Денис.

И только когда с грохотом закрыл дверь за непрошеным визитером, сообразил, что имела место быть странная несостыковка. Ну, не ездят дядьки такого

вида по домам для обмера покойников. Отверткой, ага... Денис, конечно, не знаток в таких делах, но... кажется, все замеры подобного рода производят... черт его знает, в морге, наверное. Или в больнице. Или в похоронной конторе. И приезжают... если вообще они выезжают... нормальные люди, а не такие, кхм...

Хотя странно. Люди сейчас обычно умирают в больницах. И уж, во всяком случае, всех покойников доставляют в морг. Там их и готовят к погребению. Какой еще домашний обмер?!

Денис хотел спросить об этом гостя, но того и след простыл. Не сказать, что день после такого происшествия был загублен на корню, но настроение оказалось изрядно подгажено.

А как хорошо все было. Две недели назад вышла вторая книга про его скандинавского «героического героя», а это кое-что да значит! И значило это вот что — с ним, Денисом Витальевичем Вишняковым, заключат долгосрочный контракт на серию. Когда-то он только об этом и мечтал. Значит, мечты сбываются все же? Его карьера пошла в гору, и гонорар более чем солидный, и поступления от продаж пусть еще не очень большие (потому что сам тираж не очень большой), но сделают допечатку, а вторая книга в разы увеличивает его писательский доход. Значит, он наконец сам стал «героическим героем»... Так что ж его тревожит?!

Денис пошлепал из прихожей обратно в спальню, и взгляд его упал на прикроватную тумбочку. Там в рамочке стояла фотография, и на ней вся его семья —

он сам, Мирослава, Ванечка, которому тогда исполнилось четыре, и двухлетняя Катюша. Ночью он ни разу не смотрел в ту сторону — не до того, извиняюсь, было, чтобы фотографии семейные разглядывать...

Вот оно. Ну да, редкий мужчина не устоит перед таким соблазном, но не каждого мужчину окатывают волны совести такой силы. Причем не постоянно ведь окатывают, а хитро, изверски, без предупреждения и без видимой причины!

— Мира, я... — начал он, обращаясь к фотографии, осекся и похолодел.

Из рамочки на него смотрела... Маргарита. Она бесстыдно раскинулась на огромном валуне, совершенно обнаженная, а вокруг был пустынный каменистый берег.

Что за черт!

— Это еще что за номера, Марго?! — воскликнул ошеломленный писатель, словно любовница стояла здесь же. Но если бы она даже находилась здесь, то, скорее всего, расхохоталась бы в ответ даже на самые справедливые упреки. Как, когда Маргарита успела заменить фотографию, а главное, зачем?! Ничего себе подстава... Это, пожалуй, покруче, чем дурацкие стринги, про которые рассказывал ему когда-то Мишка!

Вишняков подскочил к тумбочке и резко опрокинул фото. Потом схватил его и сунул под подушку. Потом опомнился и стал торопливо вынимать из рамочки. Обламывая ногти, отогнул тонкие железки, вытащил стекло, картонку... и обомлел вторично.

У него в руках был привычный семейный портрет. Они тогда все вместе выбрались погулять под весеннее солнышко, а отец Мирославы вовсю щелкал фотоаппаратом. Мирослава спокойно улыбалась, за ее руку держался Ванечка, на руках Дениса устроилась хохочущая Катюшка...

Да что это еще за чертовщина, с ума он сходит, что ли?! Маргарита ему показалась?! Вот так вот, среди бела дня, на трезвую голову у него галлюцинация случилась?! Вишняков судорожно вцепился в фото, как в спасительную соломинку, и понял, как не хватает ему жены, ее улыбки и ласкового покоя... Аккуратно поставил фото назад на тумбочку и перевел дух. Сердце стучало как бешеное. Вот только сердечного приступа недостает для полного счастья...

Так, все, перестаем психовать.

Мирослава. Ну, вот что ему не хватало?!

Мирослава была лучшей на свете женой. Которая к тому же подарила ему двух лучших на свете детей. Когда Денис думал об этом, глядя на их фото, то чувствовал, как лицо заливают жаркая волна стыда. Почему-то в памяти всплыла фраза из читанного в дни студенчества высокоморального английского романа — «когда никто не видит, как женщина краснеет, она не краснеет вовсе». При чем тут женщина и почему его память вытолкнула именно эту фразу, Денис не понял. Хотя... все элементарно. Дома никого нет, а он краснеет. Потому что прекрасно понимает, что виноват. И точно так же прекрасно понимает, что острые ощущения, которые для нее, Маргариты, были как

семечки, для него так и останутся теорией, запретным плодом, как для вечного подростка. Собственно, он и не возражал. Он привык к своему спокойному миру и очень не любил выходить из «зоны комфорта». Иногда, впрочем, чтобы не зажиреть, любому человеку нужно из нее выбираться и подвергаться тому или иному стрессу. Денис верил, что для мужчины стресс, тем более такой, не губителен, а, наоборот, целителен, это все психологи подтверждают, так что с Маргаритой ему как бы повезло. Приходится это признать.

Да, Маргарита много для него делала. Сейчас она хлопотала по организации выездных пресс-конференций. Разрабатывала план, по которому Денис будет вести вебинары для молодых писателей. Все это очень важно для его карьеры и, по сути, для его семьи! «Ты хочешь сказать, что ходишь налево ради семьи?» – безжалостный внутренний голос разбил вдребезги жалкие попытки оправдаться перед самим собой.

Не сказать, что Денис был неврастеником. Но ведь и бабником он тоже никогда не являлся. А ведь казалось бы! За годы студенчества он навиделся всяких соблазнов, но мужественно выстоял. А Мирослава... Она была не соблазном, а тихой гаванью. С самого первого экзамена на абитуре. Он после сочинения, и она после сочинения. Разве что он сдавал на факультет тележурналистики, а она на филфак.

Две группки абитуриентов оказались на одном речном трамвайчике – отмечали событие. Все-таки

еще один из экзаменов сдан, и слава богу. Кто-то ждал результата с трепетом, кто-то, как Мишка, не парился: «Что я, совсем? Я этой ерунды могу накоплять километры!» Он был железобетонно уверен в себе, попивал темное горькое пиво. Как потом оказалось в плане экзаменов, Миша не ошибся. В плане же личного...

Милая девушка с пушистыми волосами стояла у поручней и кусала губы. Молчала, переживала, ветер шевелил волнистый завиток на ее виске. «Тургеневская барышня», — припечатал Мишка. «Какая нежная», — думал Денис.

— Я провожу барышню? — галантно пристал Мишка, когда они сошли на берег.

— Я сам провожу, — внезапно оттеснил его Вишняков, дотеле не подозревавший в себе подобную решительность. Он и сам от себя не ожидал такого... Мишка, впрочем, тоже не ожидал, но артачиться не стал, уважая чужое чувство. А то, что это чувство, а не блажь, он, как признался сам потом, почувял интуитивно. Подошел к следующей «жертве» с их же собственного с Вишняковым потока и, конечно, преуспел. Это и была Ольга, бархатная перчатка со спрятанной внутри стальной дланью. Именно такая длань, как оказалось, требовалась разгильдю Мишке, и Мишкина свадьба оказалась первой на их курсе. Теперь Миша с Ольгой были женаты, прочно и надолго, несмотря на «подарок» в виде фривольного предмета женского гардероба. Но свою семью на прочность Денис проверять ох как не хотел!

Мира так и осталась милой тургеневской барышней. Совсем, однако, не бессловесной размазней, а офицерской дочкой — уменькой, начитанной и тоже с принципами. Скромной, воспитанной, сдержанной, всетерпящей, заботливой, внимательной... короче говоря, самым настоящим, без иронии, ангелом. Значит, что-то произошло с ним самим, с Денисом. В бочку его меда попала ложка дегтя. И эту ложку он положил в нее сам.

Вероятно, эта ложка дегтя и вылезла сейчас из его подсознания в виде грубой петли висельника...

Кстати, а почему Денис увидел именно этот эпизод?! Это ведь сцена из его собственного первого романа, «Олаф-варвар, герой поневоле». Денис сразу лихо закрутил сюжет, мешая историческую правду и вымысел, перетасовывая факты и фантазию, взбивая сумасшедший коктейль из бряцания зазубренных в боях топоров и мечей, покрытых протравленной вязью, из мифов о великих конунгах и Крещения Руси.

Шла охота за женой убитого конунга и его малолетним сыном во время их бегства в Швецию — были скитания по островам, враги и друзья, предатели и мстители, верные погибшему конунгу. Тот, кого собирались вздернуть, являлся предателем, да еще мелким, жаждущим не славы, а простой наживы. Он покрыл себя позором, и его собирались предать позорной смерти. Тодрик-Вонючка, так его звали.

«Получается, ты и есть Тодрик-Вонючка, совершивший предательство ради простой наживы», — сказал Денису его внутренний голос.

Разве измена — не предательство? Самое настоящее предательство, и даже более того. И не важно, где оно происходит, на островах в Средневековье во время дикой тотальной резни или в цивилизованной Москве двадцать первого века, на полях бескровных семейных сражений. Подобное предательство может убить семью вернее, чем какой-нибудь гонконгский вирус, хотя это уже не времена Стивы Облонского.

«Нет, стоп, — внезапно рассердился Денис на самого себя. — А при чем здесь эта шваль, охочая до презренного металла?! Какого дьявола приснился именно он?!»

Ворча, писатель пошел умываться и чистить зубы. Но голова продолжала работать. Кроме того, он еще и говорил сам с собой — это как-то упорядочивало мысли. И кофе... Нет, без кофе он по утрам не человек. Надо срочно взбодриться... Где тут был кофе? И не растворимый, к черту эту бурду. Настоящий, заварной. Крепкий, в меру сладкий. Он хорошо прочищал мозги и выгонял остатки кошмаров. Итак...

Разве он, Денис, наживается на ком-то? Разве он не работает до полного опустошения, выплескивая на страницы свои юношеские фантазии о скандинавских боях? И разве они не превращаются потом в умопомрачительные приключения, которыми зачитываются люди?! Не зачитывались бы, не ушла б его первая книжечка с прилавков меньше чем через десять дней, не разлетелись бы по Москве столь стре-

нительно две тысячи экземпляров. Две тысячи – тираж, скажем, недостаточный для безбедного существования, но для начинающего писателя с никому не известным именем вполне себе приличный. Вторая книжка, «Олаф несокрушимый», была о зубодробительных боях и любовных победах. Признаться, описывая сексуальные похождения неистового варвара, Денис не только повсюду пользовался, как прототипом, похождениями друга Мишки (вот тот был неутомим на этом фронте!), но и частенько вспоминал Маргариту... Кстати, тираж уже пять тысяч, да отчисления, да... семья уже могла себе позволить отдать наконец родителям долги, добить все кредиты... кстати, третью книгу можно так и назвать – «Олаф неистовый»...

Денис допил кофе, вымыл чашку, прошелся по кухне, раздумывая.

И третий голос вдруг раздался внутри его, странный и тревожащий, неизвестно кому принадлежащий, но смутно знакомый: «А как насчет мистического стечения обстоятельств, а? Ты же писатель, должен в такое верить и прислушиваться на будущее. Кто тебе обеспечил твой первый тираж? Вспомни! И подумай, кому все-таки принести за это хвалу и благодарность. Хорошо подумай...»

Денису стало совсем неудобно, и его рука сама потянулась к мобильному. Несколько секунд Денис смотрел на телефон, не набирая номера. Все же уже несколько дней они не виделись с Мирославой, Ванюхой и Катюшкой, последний раз Денис звонил

жене только вчера утром. А к вечеру... вот сейчас лучше не углубляться, что было к вечеру. И ночью.

Телефон вдруг зазвонил в руке, Денис даже вздрогнул.

— Денис, лапушка, перечитай, дорогой, новый кусок, который ты недавно сделал, — раздался голос Маргариты. — Тут несостыковочка небольшая. Мелочь, конечно, но нужно подумать и исправить, а то потом поползет дальше, а перед этим еще и редактор нервы помотает. Лучше в зародыше проблемку придушить, хорошо?

— Да... Спасибо, сейчас займусь, — пробормотал Денис.

Вот ведь. Маргарита, как ни крути, ему помогает, и оперативно. Впрочем, Мирослава ведь тоже вычитывает его работу и всегда дает дельные советы, только вот иногда с детьми закрутится... «С другой стороны, — с запоздалым раскаянием подумал Вишняков, — при чем тут дети? Этот кусок я жене вообще не отправлял, хотя мне-то помешали совсем не дети».

Нужно действительно перечитать. А то голова черт знает чем занята.

— И еще... — продолжала Маргарита вкрадчиво. — Не забывай, что твой главный труд должен быть все же на первом месте. Чтобы кошмары не мучили!

Она хохотнула, и Вишняков похолодел.

— Да-да, разумеется, — промямлил он и брякнул первое, что в голову пришло: — Извини, мне тут звонят по второй линии...

— Ах да. Звонят, — фыркнула видящая сквозь стены Маргарита и отключилась.

Вот черт побери! Да, в самом деле, нужно сходить в аптеку за снотворным. Не хватало еще маяться кошмарами, от которых просыпаешься с сердцебиением, а потом про них непостижимым образом любовница узнает. Или это у нее шуточки такие?! Кто ее разберет? Да вдобавок сегодня, фигурально выражаясь, чуть в гроб живого не запихнули. Так, все. Берем ноги в руки и на улицу проветриваться.

Но перед тем как одеваться, Вишняков засунул в стиральную машинку постельное белье и поставил на быстрый режим. Как все же классно, что Мирослава научила его пользоваться этой техникой. А все остальные приятели-женатики не умеют, лентяи эдакие. Можно подумать, у них таких приключений не бывает.

Попутно Денис с удивлением отметил то, что, оставшись в одиночестве, он почти никогда не думает о Маргарите. Только когда он видел ее, а видел он ее теперь по роду деятельности довольно часто, в нем просыпалась какая-то сумасшедшая бесовщина, сделать с которой он ничего не мог. И было сладко, и было жутковато, и было бесшабашно... но в душе и в сердце всегда оставалась Мирослава. И чувство вины... Похоже на наркоманию. Что, если получится все-таки развязаться с этой Маргаритой? Да, помогла, да, спасибо огромное. По гроб жизни спасибо, но... как-то он не очень уютен, этот гроб.

* * *

— Анна Мироновна, здравствуйте, — выходя из квартиры, мимолетно поздоровался Денис с соседкой по лестничной клетке, копавшейся в почтовом ящике. Анна Мироновна была та еще штучка. Он подозревал, что она заводит на всех соседей своеобразное досье. Может, не строчит его в тетрадке, конечно, а записывает на подкорку, так, на всякий случай. Она, кажется, знала про всех все.

— Здравствуй, Дениска, — приветливо отозвалась соседка, всегда называвшая Дениса уменьшительным именем, несмотря на его тридцать восемь лет. — Извини мое старухино любопытство, а что это за дамочка вчера к тебе приходила?

Сердце Вишнякова ухнуло куда-то меж ребер. Он остановился, едва не налетев на дверь, и осторожно, точно вдруг заржавел шейный позвонок, повернул голову. «Все, — подумал он. — Это было неизбежно. Вчера у меня была Маргарита... Да что же я за идиот?! На кой черт я приглашаю ее домой? Тем более попасться Анне Мироновне... **Вот черт!** Что придумать, что?!»

— Э... какая, в смысле, дамочка, Анна Мироновна? — пытаюсь тянуть время и казаться беспечным, переспросил писатель и снова почувствовал, как предательская краска заливает лицо.

— А к тебе разве их много ходит? — улыбнулась соседка, выуживая наконец корреспонденцию. — Смешная такая, в круглых очочках, в ушаночке, на

детскую похожей, с помпончиком. Вчера после двенадцати дня. Только-только новости закончились, и я в булочную пошла. Я ее у нас в доме что-то не припомню...

В первые несколько секунд Денис тупо смотрел перед собой в пространство, а затем с чувством небывалого облегчения выдохнул, и все блаженно поплыло перед глазами. Он даже ушам не поверил.

— Я и не сообразил сразу, про кого вы, Анна Мироновна, — засмеялся он с таким облегчением, словно получил амнистию. Впрочем, так оно, в сущности, и было... — Да это же наша с Мирой знакомая, почти соседка, Светлана! Она не ко мне приходила, а к жене и меня-то даже не застала, я позже пришел. Записку в дверь сунула, я потом забрал... Она к нам почти и не заходит, вот вы ее и не помните...

Он едва остановил свою судорожную скороговорку. Да, вчера Денис обнаружил в двери записку от Мальковой. Малькова иногда к ним забегала, но вряд ли ее можно было назвать подругой Миры. Так, потрепаться о детях, сходить вместе в поликлинику, благо та недалеко. В записке Малькова писала, что ее муж прочел обе книги про Олафа, и в полном восторге, и что они зовут семью Вишняковых в гости, как только те найдут время. Светка не знала, что Мирослава уже неделю гостила у родителей на даче... Тьфу ты, а Денис уже готов был в петлю лезть...

...Далась ему эта петля.

— Дениска, ты уж подари старухе свою новую книжечку, как выйдет, хорошо? — продолжала Анна

Мироновна. — Что-то я к этим приключениям привыкла уже, хоть и не по летам мне это читать-то, но вот сын читает, и уж я тоже взялась. А писатель-то — вот он, надо же...

Вишняков торопливо обещал разговорчивой соседке извещать ее обо всех своих новинках в первую очередь, спешно распрощался и выскочил на улицу. Как говорится, вот она, слава. После выхода книги сначала звонили близкие друзья, потом друзья друзей, потом все остальные. Теперь благочинные и вездесущие старушки-соседки его читают. Вот уж не предполагал он, что Анна Мироновна плюс к ее многочисленным талантам разведчика еще и приключенческую литературу почитывает...

Денис все не решается позвонить собственной жене.

Лицо обожгла колкая поземка. И, странное дело, мысли его стали постепенно менять свое направление. Ну да, слава. Ну да, начинающаяся писательская известность, но... Не такого хотелось, совсем не такого. Он думал въехать в эту известность на белом коне, а вполз через заднюю калитку. Да и сама известность. Она же... ремесленная. А ведь когда-то Денис Витальевич Вишняков считал себя способным сказать «новое слово» в литературе. Ведь у него очень хороший стиль, все это признавали. Но оказалось, этого мало. Может, просто невезуха? И в его жизни внезапно появилась Маргарита. Повела за ручку. Деловая связь. Такая связь, что и не вырвешься, пожалуй. И... вместо ощущения победы появилось чувство провала.

36 Не так все должно быть, совсем не так!

Воспоминания неотвратимо наползали на него, вызывая холодок в спине, словно его не только раздели, но и сняли кожу, а потом выпотрошили самые потайные уголки души. Таким невозможно поделиться, даже с лучшим другом. Да, пожалуй, Мишка даже не понял бы его. Мишка являлся надежным, как скала, не зря они дружили уже столько лет. Сколько разговоров «за жизнь» было переговорено, сколько тайн друг другу доверено за самыми задушевнейшими беседами, где бутылочка становилась не поводом, а лишь средством чуть-чуть ослабить хватку жизни, как узел галстука, чтобы не слишком душило. Но их общение, хоть и касалось оно иногда высоких материй, опиралось все же на реальность. А это... Это не вмещалось ни в какие рамки. Вот и Мишка говорит, вторя Чехову: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда».

Ох, дружище. Оказывается, как мало мы знаем, что может, а чего не может быть.

Впрочем... Что, случаются подобные визиты гробовщика? Это уже нельзя списать на галлюцинацию, бред или кошмар. Кстати о кошмарах... Для начала надо хотя бы нормализовать сон. Он же в аптеку собирался! Надо собрать себя в кучу и идти, наконец. Куда это он забрел? Совсем не туда, куда нужно...

Внезапно под ноги Денису выскочила черная кошка. То есть нет, не кошка... Это был небольшой черный пуделек. Испокон веков черный пудель являлся символом нечистой силы, вспомнил Денис. А в этом

милом пуделеныше не было решительно ничего дьявольского. Он крутился вокруг писателя, подсказывал и улыбался, часто дыша маленькой розовой пастью с добродушно высунутым языком.

— Ты откуда тут такой буся? — присел перед ним Вишняков.

Песик, разумеется, не ответил, продолжал скакать, облизал пальцы Дениса и порывался облизать еще и нос. Вишняков рассмеялся.

— Ну вот, а классик писал, что такие собаки, как ты, — это дьявольская примета! — ворковал он над песиком, почесывая его за ушком. — А ты вполне себе милый... Чертеночек такой...

Ваня давно канючил собаку, но Денис прекрасно понимал, что все заботы о питомце свалятся на Мирославу, а ей еще только этого не хватало. Сам Денис, погруженный в тексты и разъезды, само собой, тоже не смог бы уделять питомцу время. Как-то ведь живут же люди без собак...

— И как вот люди живут без собак, а? — обратился он к песику, который благосклонно развалился сверху лапами на снегу и жмурился, позволяя чесать себе курчавое пузико.

— Рози-Рози-Рози! — раздался неподалеку женский голос, и песика как ветром сдуло.

— Так ты девочка, оказывается, — запоздало посмотрел Денис пудельку вслед.

Затем, оглядевшись, понял наконец, где находится (прошел лишние несколько домов, задумавшись), и вернулся на прежний курс.

В аптеке было тихо, как в пустыне, ни одного посетителя. Лампа под потолком угрожающе гудела и мигала, отбрасывая синие отсветы на застекленные шкафы и прилавки.

— Девушка, что бы вы могли посоветовать от ночных кошмаров? — полушутя обратился Денис в окошечко.

К нему обернулось худое длинноносое лицо, увенчанное очками с толстыми линзами, которые делали черные глаза стоящей за окошечком огромными. Левый глаз аптекарши заметно косил.

Денис сглотнул и поневоле отшатнулся, не подумав, что эта реакция могла аптекаршу обидеть. Просто сюда они с Мирой ходили частенько, в основном, конечно, за лекарствами для детишек, и помнил он в этой маленькой аптеке только двух фармацевтов-продавцов, полненькую Лену и темноволосую, с небольшими усиками, Анору. А ту, что стояла за прилавком сейчас, женщину он видел впервые. Хотя, впрочем, какая разница, не обязан же он знать в лицо всех сотрудников.

— Ночные кошмары обычно лечатся правильными дневными мыслями, — в тон ему ответила косою фармацевт. — Если перейти меру, самое приятное превратится в самое неприятное.

— Да нет, правда. Мне бы такого... чтобы мыслей вообще не было, — брякнул Вишняков.

— А думать как раз полезно, — улыбнулась длинноногая. — Как говорится, думай о великом, наслаждайся маленькими радостями.

Ты смотри, не фармацевт, а философ! Прямо Сократ косоглазый!

— Но как раз мысли и не дают мне спать спокойно, — не сдавался писатель.

— Ну, спать спокойно мы все будем на том свете, — обнадежила странная продавщица, и Денис невольно сглотнул. — Валерьяночки попейте для начала...

— Я пробовал, — соврал Денис, — не помогло.

— А седативы без рецепта не продаются, — сказала женщина. — Распоряжение мэра Москвы, только месяц, как вышло. Или у вас есть рецепт?

— Если бы был, — посетовал Вишняков, решив, что возьмет странноватую продавщицу не мытьем, так катаньем и без снотворного из аптеки не уйдет.

— А как же тогда... — развела руками аптекарша. — Поймите, у нас все серьезно, есть распоряжение — изволь исполнять.

— Понимаю, — нахмурил лоб Денис.

— Понимаете. — Женщина посмотрела так, что Вишняков так и не понял, куда именно она смотрит — на него или куда-то за его левое плечо. — И тем не менее просите. Странные вы, люди...

Внезапно Денису стало немного не по себе. Да что там «немножко»! Ему стало жутко, и тянуло оглянуться или сплунуть за то же левое плечо, но это выглядело бы уже совсем дико.

— А если... «как-нибудь так»? — продолжал канючить Денис, но теперь уже по инерции, его тянуло поскорее убраться отсюда. — Обойдемся без печатей, без рецептов и врачей?

И он протянул в окошечко купюры.

— Без рецептов и врачей долечитесь до мощей... — пожалала плечами косяя, но потом добавила: — Можно и без печатей. Но учтите, это довольно сильное снотворное, и неизвестно еще, как оно на вас подействует. Так что поосторожнее с этим... как, впрочем, и с мыслями. Особенно-то, конечно, с мыслями. Всего хорошего.

Писатель сгреб в карман небольшую баночку и, скомканно поблагодарив, поспешил к выходу. Но, выйдя, замешкался и еще раз посмотрел снаружи на вывеску аптеки — туда ли он вообще зашел. Не в тему вспомнил свою встречу с черным пудельком. Фантаσμαгория какая-то... Да нет, все правильно. Это именно знакомая аптека, куда он приходил десятки раз...

Привычный мир Дениса валился куда-то в тартарары, и требовалось непременно удержаться в этой реальности. Как это она выразилась? «Странные вы, люди»? Холодок снова зазмеился между лопаток. Вот сейчас он войдет и прямо спросит... что бы спросить... ну хотя бы, можно ли поговорить с Анорой или Еленой. Если, конечно, они еще живы, если еще существуют на белом свете... странная мысль. Но Вишняков решительно взялся за ручку двери и снова вошел внутрь.

Сказать, что Денис был изумлен, — это ничего не сказать. Во-первых, лампа под потолком больше не гудела, и небольшое чистенькое помещение было залито уютным желтоватым светом. Во-вторых, из окошечка на него смотрело знакомое лицо Аноры.

— Здравствуйте, — приветливо сказала она. — Надеюсь, у вас не детишки простыли? По такой-то погоде...

— Здра... встуйте, — выдавил Денис. — Мне стрепсилс, пожалуйста, у меня у самого горло что-то...

— Может, ромашечки еще? — сочувственно, как всегда, посоветовала Анора. — Пополоскать. Это на ранней стадии простуды очень помогает. И дезинфекция, и прогреется заодно.

— Спаси... бо, — прохрипел Денис, мысли которого совершенно спутались. — Скажите, а... тут у вас работает такая, хм, новенькая. У нее еще глаз косит.

— Что? — не поняла Анора.

— Нет, извините... Ничего. Я ошибся, — пробормотал Денис. — Наверное, правда заболел...

— Берегите себя. У вас же детишки, — с искренним сочувствием покачала головой Анора и проводила его взглядом.

Вишняков вышел за порог... и снова рванулся к окошечку. Наверняка Анора подумает, что у него с головой не все в порядке, да ну и пусть. Она недалеко от истины ушла бы, если б даже так и подумала. Правильные мысли, говорите?! Правильная мысль была только одна — убедиться, что мир вокруг него реален. Поскольку стали возникать определенные сомнения.

Он вновь увидел несколько удивленное лицо Аноры и снова успокоился.

— Скажите, пожалуйста, — Денис вытащил из кармана лекарство, — мне тут вот... знакомый рекомендо-

вал... в смысле, поделился... сказал, что ему помогает очень, а я решил посоветоваться, вы же все-таки лучше разбираетесь, чем он, а мне до врача никак не добраться, да и не люблю я, честно сказать, походы эти по больницам...

Анора приняла у него баночку и вчиталась в то, что было на ней написано.

— Лена, — позвала она куда-то внутрь аптеки. — Посмотри-ка! Вот как раз недавно мужу из Германии привезли такое, по знакомству. У нас разве будут продавать, а тем более выпускать?

— В смысле, это плохое лекарство? — всполошился Денис.

— Да нет, наоборот, очень даже хорошее, — успокоила появившаяся из подсобки Лена. — Просто у нас его не выпускают. Считается, что оно чересчур сильнодействующее, хотя и не вызывает привыкания, в отличие от аналогов. Только оно для серьезных нарушений со сном. Но у нас, вы же знаете, и на молоко дуют. Пейте по полтаблеточки, и только на ночь. А утром или днем, если выпьете, весь день насмарку.

— Хорошо... Спасибо за совет! — сказал Денис, но женщина остановила его жестом почти властным:

— Помните: полтаблетки, не больше. Действующее вещество этих таблеток в Голландии применяют для эвтаназии.

— Что? — Денис остановился как вкопанный.

— То, что я сказала, — ответила женщина. — Эвтаназия онкобольных. Человек засыпает и не просыпается. Конечно, от одной таблетки такого не

случится, дозировка не та, но... все равно будьте осторожны, хорошо?

Денис с сомнением глянул на баночку и сказал:
— Хорошо.

* * *

Он вышел из аптеки в совершенном смятении. С самого утра... или с ночи?.. творилось невообразимое. Подумать только, снотворное, чтобы заснуть и не проснуться... миленько. И его продала без рецепта несуществующая аптекарша... Вот ведь как судьба заботится о Денисе, оказывается. Чтобы не заскучал, вероятно. То подбросит проблему, то ее весьма своеобразное решение.

Денис криво усмехнулся. Сколько можно бегать от правды? Какая, к черту, судьба?! Не судьба, а некто, и Денису очень не хотелось вспоминать кто. В голове это все не укладывалось. До сих пор. Хотелось просто забыться. Может быть, прийти домой, взять эту рукопись и...

Ну да, он когда-то считал ее своей главной работой, правильно Маргарита сказала. Но сейчас не лежала у него к ней душа... и, наверно, надо выпить так интересно обретенного снотворного. И проспаться без сновидений до вечера. По крайней мере, без осточертевших кошмаров. Без воспоминаний о...

Стоп.

А потом засесть за продолжение Олафа. Но сначала прошерстить, что там за несостыковки Маргарита

нашла. Его иногда заносило, это правда. Он мог в пылу сражений с компьютером забыть какую-нибудь сюжетную линию, или третьестепенного героя, или кому сколько лет... На это, конечно, есть редакторы, но Денис любил сдавать чистенький текст и эдаких вот «блех» предпочитал отлавливать самостоятельно. Это, безусловно, несколько тормозило процесс написания, а ему сейчас как раз необходимо «гнать строкаж», особо не заботясь о гладкости изложения и порой в ущерб логике. Впрочем, главред уверял, что современный читатель меньше всего думает как раз о красоте изложений, торопясь успеть как раз за сюжетом. «Купят, все купят, ты только пиши, не переставай. Тут главное — непрерывность серии»...

Вишняков бы, конечно, поспорил. Он с детства привык читать хорошие книги, и классику, нашу и зарубежную, и следил за новинками, букеровских номинантов не пропускал. Более того, на всех форумах, посвященных литературе, где общался Денис, как раз и стоял стон о том, что качество изложения пало ниже плинтуса. Главред говорил, что форумы — капля в море читателей России, а большинство, которому все нравится, естественно, молчит, вот и кажется, что все вокруг недовольны...

Но Денис ему не верил. Однажды он ставил машину на стоянку у одной из станций метро столицы и решил подойти к ларьку, торгующему литературой в мягком переплете. У ларька стояли две девчушки на первый взгляд из не особо одаренных интеллектом — их легче было представить с бокалом дайкири, чем

с книгой, но именно книгу они вертели в наманикюренных пальчиках. Увы, не его, но Денис решил послушать, о чем они говорят, и был вознагражден:

— ...Такая чушь, слов нет, — говорила одна из блондинок. — Причем что наше, что зарубежное. И популярное, и «элитарное».

— Не говори, — вторила другая. — Персонажи картонные, существуют только для того, чтобы двигать сюжет. Диалоги — корявые, словно говорят два имбецила. А покупают. Читают. Хвалят.

— А язык? — затронула болезную тему первая. — Я в школе сочинения лучше писала, чем эти топовые авторы. Господи, я даже фэнтези начала читать, от бескнижья.

Вторая фыркнула:

— Фэнтези, по-моему, тот еще китч.

— В общем, да, — кивнула первая. — Но я тут нашла одного интересного автора. Как же его... Олаф-варвар, может, слышала?

Денис поспешил отойти, чтобы девочки его не узнали — на задней странице книги был его портрет, и ему почему-то не хотелось быть узанным...

* * *

Это мнение разделяли не все.

«Олаф — ерунда, вещь абсолютно проходная, — сказала как-то Маргарита. — Ты же сам понимаешь, что это на потребу. Гони галопом, зарабатывай, но особо не зацикливайся на этом. Ты о другом заботься...»

А вот зря Маргарита так про него. И про него самого, и про его детище подростковое, Олафа. Он ведь и обидеться может. Они вместе с Олафом обидятся. И... пошлют подальше и Маргариту, и...

И память подсунула ему еще одну цитату из Генри Филдинга: «Одна из заповедей дьявола, оставленных им своим ученикам во время последнего посещения земли, гласит: «Взобравшись на высоту, выталкивай из-под ног табуретку». То есть получится, он сам обидит Маргариту, если теперь, добившись успеха, ее оттолкнет...

Хотя обидишь, пожалуй, такую. Это слово из лексики детского сада, а кто в самом деле Маргариту рискнет обидеть, тот, как говорится, трех дней не проживет.

Но образ вытолкнутой из-под ног табуретки вернул Дениса к сегодняшнему кошмару, к петле. Что же делать? В ушах звенели слова, сказанные почти год назад: «Когда ты окажешься на самом краю, когда поймешь, что тебе нужна моя помощь, только позови».

Это говорила не Маргарита. Маргарита и так помогала. Ее вмешательство было таким ненавязчивым поначалу... но он и оглянуться не успел, как влип по уши. Вот так какая-нибудь муха, пролетая мимо паутины, касается ее краешком крылышка, и...

Сколько раз Вишняков хотел позвать и всякий раз удерживался. Вероятно, подсознательно он боялся, что может влипнуть еще круче. Есть... есть те, с кем сотрудничество хоть и приносит немалые дивиденды, но при этом не окупаются. Парадокс? Можно оседлать

тигра и даже ехать на нем какое-то время, но как ты будешь вылезать из седла? Поэтому каждый раз в трудной ситуации он говорил себе: «Я должен справиться с этим сам!»

Может быть, забыть этот голос, забыть это предложение, как страшный сон? Забыть кофе на каннской набережной, голубые лавочки, вкус кофе... никогда с тех пор не пил он такого кофе! Забыть застывшие фигуры людей в московском кафе под названием «Баста»...

Вероятно, это будет лучше всего. Да. Так спокойнее. Забыть, и все. Как говорил доктор Ватсон другу Генри Баскервилю: и все проблемы сразу решатся. Решатся ли?

Не возвращаться к этому. Ни в мыслях, ни в работе. Никогда...

Поднявшаяся метель слепила глаза, она была такой сильной, словно Денис оказался посреди описанного Джеком Лондоном белого безмолвия. Словно вокруг на многие километры ни души — лишь он и снег, который так созвучен слову «смерть». Это было так ужасающе реально — Москва словно растворилась, окутанная снежным саваном, и мир вокруг стал сочетанием белого и черного, как страница комикса. Словно мир и сам был нарисован. Поглощенный этой иллюзией, этим устрашающим образом, Денис не заметил, как оказался на проезжей части. Он даже не успел понять этого, просто совсем рядом резко завизжали тормоза, рывкнул сигнал, кто-то свирепо заматерился, и какая-то сила потащила его назад, на тротуар.

— Да что же это вы?! — послышался испуганный голос.

Вишняков обернулся. За воротник его держала женщина с совершенно невзрачной наружностью. Стертый какой-то облик, словно плохо проявленная фотография. Да и снежинки, роившиеся мухами перед лицом, делали реальность старым кино, поцарапанным, мутным, блеклым и призрачным. Поскольку больше никого не было, видимо, именно эта женщина утянула его из-под колес, пока водитель уезжающего «Форда» изрыгал проклятия в сторону «уродов недоделанных».

Денис взглянул на свою спасительницу... и вдруг произошло необъяснимое. Ее обыкновенное и невыразительное на первый взгляд лицо преобразилось. Словно его изнутри озарил свет необычайной красоты, который из любой дурнушки сделал бы красавицу. Синие-синие глаза лучились добротой и покоем, таким, что все душевные метания Дениса как рукой сняло, а вместо них возникла надежда. Денис вдруг увидел, что женщина довольно молода — чуть моложе его самого, вероятно.

— У вас что-то случилось? — обеспокоенно спросила спасительница. — У вас лицо такое... как будто вы не совсем здесь. Разве так можно?! Вот на дорогу выскочили.

— Да, извините, — пробормотал все еще не отошедший от шока Вишняков. — Я вообще-то под машины не склонен кидаться... ну, правда! А сейчас, видимо, полоса какая-то.

— Полоса для того, чтобы кидаться под машины? — пошутила незнакомка и вдруг улыбнулась. Улыбка напомнила Денису что-то неувловимое, какую-то кинозвезду из далекого прошлого, но Вишняков так и не понял, с кем у него ассоциируется эта улыбка.

Денис поневоле рассмеялся. Разговаривать с этой женщиной было почему-то спокойно, легко и... светло. Вот такой же уют, покой и безопасность он ощущал рядом с Мирославой. «Добрая самаритянка», — вдруг почему-то пришло ему на ум.

— Ну, типа того, — ответил он. — Понимаю, я веду себя глупо. И выгляжу, наверное, глупо, да?

— Нет, — покачала она головой и, слегка, неуверенно пожав плечами, добавила: — У кого не бывает темных полос? Но они имеют обыкновение заканчиваться. И начинается что-то светлое, ведь свет всегда вытесняет тьму, стоит ему вспыхнуть.

— Вашими бы устами... — начал было Денис.

— Да мед пить, — подхватила незнакомка и снова улыбнулась. — Если у вас дома есть мед, выпейте чаю с лимоном и медом и укутайтесь потеплее. Позвоните другу или любимой женщине, и у вас станет теплее на душе. Знаете же, если нужны деньги, обращайся к чужим; если нужно сочувствие и поддержка, иди к друзьям.

— А к родственникам? — замороженно спросил Денис.

— А к родственникам иди, если тебе есть что дать им, — улыбнулась девушка. — Потому что счастье не

в деньгах измеряется, счастье — это когда тебе есть о ком позаботиться. Да и вообще, в этом мире намного больше света, чем тьмы, больше добра, чем зла. Просто зло более громогласно, потому оно заметнее. Жаль, что нельзя собрать всех злых в одну группу, отделить их от добрых! Вдруг они бы смогли подобреть, увидев, как их **на самом деле** мало...

— Да вы идеалист, — с улыбкой сказал Денис, но в его словах и в его улыбке не было ни тени насмешки. словно эта женщина заразила его добротой, как случайный прохожий заражает встречного гриппом. Только этой болезнью Денис был не против болеть подольше.

— Вы так говорите, будто это что-то плохое, — мягко улыбнулась девушка, и Денис внезапно почувствовал необъяснимую грусть — легкую и светлую, не терзающую сердце, нежную, как прощальный поцелуй... Но даже эта грусть не рассеяла свет, внезапно затлевший в его издерганной душе. — Вот дети, они все идеалисты, и что? Разве плохо быть ребенком?

Денис вспомнил Ванечку и Катюшку и улыбнулся в ответ на ее беззащитную, трогательную улыбку, а его спасительница уже заносила ногу, делая первый шаг прочь.

— Будьте осторожны, — сказала женщина напоследок. — Берегите себя.

Вот ведь, так и Анора говорила ему сегодня.

Незнакомка быстро исчезла в усилившейся пурге. А писатель Вишняков запоздало понял, что ему только что спасли жизнь.

Глава 2 Без обмана

*Воспоминания. «Баста». Друг с той стороны.
Набережная Круазетт.*

Денис вернулся домой, как говорится, в расстроенных чувствах. В кармане лежала баночка со странно обретенным снотворным, а в голове метался калейдоскоп мыслей, обрывков фраз – и сегодняшних, и слышанных ранее. Слишком много всего. Он еще не принял решения, но воспоминания хлынули на него лавиной. А самыми неотвязными были воспоминания об отправной точке его сегодняшнего смятенного состояния. И сдерживать эту лавину он был уже не в силах, она погребла его под собой, смяла и поволокла вниз, все глубже и глубже в пучину времени.

Это случилось полтора года назад.

Тогда Денис Вишняков был писателем-неудачником, зарабатывавшим жалкие гроши кропанием статей, даже не статей, а бессмысленной рерайтовской чепухи. Можно сказать, он находился в самом настоящем загоне. Заказчики не переводились, конечно, но это не то, о чем он мечтал и в дни студенчества, да и много после. Денис понимал, что его неудовлетворенность – прежде всего результат его собственного честолюбия, но Вишняков был убежден, что писатель без честолюбия – это не писатель, а тряпка. А писатель, обремененный семейством и не умеющий это семейство обеспечивать должным

образом, — тут и сказать-то даже неловко, кто он при таком раскладе.

Его жена Мирослава являлась его путеводной звездой. Они познакомились еще совсем юными, как говорится, неоперившимися птенцами, такой союз мог бы оказаться нестойким, распасться от дуновения легкого ветерка, как соломенный домик. Но, к удивлению окружающих, Мирослава не бросила мужа даже тогда, когда стало ясно, что звезд с неба он никогда хватать не будет. Это казалось удивительным и неправдоподобным. Какая нормальная девушка в наше меркантильное время станет возиться с откровенным неудачником и недотепой?! Смешно даже. А вот Мирослава просто любила своего непризнанного гения. Как говорится, «не за что-то, а вопреки».

Порой, в моменты просветления, когда вечные тяжелые тучи недовольства собой и своей убогой жизнью уносил не весть откуда взявшийся ветерок хорошего настроения, Денис думал, что, наверно, настоящая любовь именно такая — не за что-то, а вопреки. Потому что любовь — это жертва. Мы жертвуем тем, что принадлежит нам, ради того, кто нам дорог. Ехидно ухмыляясь, Денис думал, как мало осталось бы тех, кто любит, если бы мир узнал настоящий смысл, настоящую цену любви. Для большинства их «любовь» — это любовь к себе, любимому, а партнер нужен только для того, чтобы потешить свое «я». И этот союз эгоистов почему-то тоже называют любовью.

Но такие мысли посещали Дениса нечасто. Чаще всего он пребывал в угнетенном, угрюмом состо-

янии, даже в обществе Мирославы, а наедине так и подавно.

Какой же сильной была ее любовь, если жена могла это терпеть! Но об этом Денис как раз не задумывался...

Денис и Мирослава прилично закончили обучение каждый в своем институте, получили дипломы и немедленно подали заявление в ЗАГС.

Следует сказать, что отец Мирославы, полковник в отставке Иван Николаевич, был не в восторге от будущего зятя. Особенно ему не нравилось то, что Денис получил погоны лейтенанта, окончив военную кафедру. В институте Дениса военная кафедра являлась чистой формальностью, студентов сильно не гоняли, и потому погоны лейтенанта Вишнякова стали для Ивана Николаевича чем-то вроде тореадорского плаща для быка. «Кафедра-фигафедра, — ворчал полковник, употребляя, конечно, куда более крепкие выражения. — Тоже мне, лейтенант кукольный». Ивана Николаевича можно было понять — сам он прошел Афган, потом обе чеченских войны, более того — он даже участвовал в знаменитом Приштинском броске, точнее, в планировании этой операции, хотя и сам аэродром посетил — уже тогда, когда его заняли наши ребята. Пулям не кланялся, в тыл не просился, за лычки никого не подсиживал. В общем, «слуга царю, отец солдатам» — и тут такой непутевый зятек, да еще и с незаслуженными, по мнению полковника, погонами. Не о такой судьбе для единственной дочери он мечтал, совсем не о такой. Но тут получилось,

как в самой хрестоматийной назидательной комедии Мольера — чувства молодых победили указы строгого папеньки. Кроме того, Иван Николаевич свою дочь любил и искренне желал ей счастья, а не просто был домашним тираном, так что пришлось смириться.

«Поможем, чем сможем», — скупое, но твердо пообещал молодым полковник на свадьбе. Надо сказать, что семья отставного полковника отнюдь не бедствовала — кроме того, что наше государство в последнее время стало хорошо заботиться о тех, кто посвятил жизнь честной службе Родине и народу, за годы этой честной службы Иван Николаевич подготовил много воспитанников и обзавелся множеством друзей. Не все они выбрали военную службу — некоторые, демобилизовавшись, занялись бизнесом или пошли работать в госструктуры. Та школа, которую дал им Иван Николаевич, не прошла даром, и на новой жизненной стезе их ждал успех.

А будучи умными людьми, воспитанники Ивана Николаевича прекрасно понимали, кому они этим успехом обязаны, и когда их наставнику пришлось, по состоянию здоровья, покинуть военную службу, от предложений помощи не было отбоя. Иван Николаевич возглавил созданную под него юридическую фирму, вошел в правление двух крупных, устойчивых банков, иными словами — обеспечил и себя, и свою семью. Вроде бы все в шоколаде, но крутой нрав полковника перечеркивал для Мирославы и Дениса все преимущества от его положения.

Ну, или не все, но, по крайней мере, большинство.

По окончании института Мирослава удивила всех, кто ее знал, — будучи лучшей на своем курсе, обладая связями отца, она могла выбирать самые привлекательные варианты карьеры. Предложения стали поступать еще до защиты диплома, одно другого краше: и с фантастической зарплатой, и с карьерным ростом, и с возможностью возглавить собственную фирму, разумеется, не по профилю. Но Мирослава внезапно проявила невероятную твердость характера и пошла работать преподавателем в одну из школ для детей из неблагополучных семей, детей с отставанием развития.

— Дети, — твердо сказала полковничья дочь, — нуждаются в нормальном образовании. А такие в особенности. Мне достаточно было одного урока, чтобы это понять. Они желают учиться, они нуждаются в нормальном общении, а в них видят только каких-то недоразвитых, агрессивных зверьков. Я должна это изменить!

И у Мирославы получилось, возможно, потому, что жена Дениса всегда руководствовалась принципом «делай больше, чем от тебя ожидают». Уже через год работы в школе у Мирославы была репутация лучшей учительницы. Потом она стала Учителем года. Это ничего не давало в материальном плане, но Денис искренне гордился достижениями жены, причем в этом оказался полностью солидарен с тестем...

Успехи Дениса были куда скромнее — водительские права. И (это уже не его заслуга) потрепанный жизнью «жигуленок», который его родители, несколько

краснея, подарили им на свадьбу. «Даже на подержанную иномарку заработать себе не может», – ворчал тесть, но у себя на кухне, разговаривая с собственной женой.

С жильем повезло, если можно так выразиться в подобной ситуации. Бабушка и дедушка Мирославы со стороны матери, потомственная московская интеллигенция, рано умерли, и их квартира сдавалась много лет – как раз в ожидании замужества внучки. Деньги, разумеется, складывались в кубышку, девочке на черный день. Кубышка была хитрая, деньги лежали на счету в надежном банке – тесть подходил к финансовым вопросам необыкновенно ответственно, да и связи у него имелись, как уже сказано, серьезные.

А двушка в Хвостовом переулке – очень даже неплохой подарок на свадьбу! «Хорошо хоть не лимиту нашла, а с московской пропиской», – продолжал по инерции ворчать Иван Николаевич про зятя. Удивительно, сам отец Мирославы прошел Крым и Рим вместе с женой. Они вдоволь намотались по военным городкам – от Заполярья до Бишкека, от Дюссельдорфа до острова Русский. Мать Мирославы ждала мужа с трех войн, которые, кстати, бравый офицер прошел без царапинки. О том, что все девяностые семья сидела на голодном пайке, и говорить не приходится – хотя даже тогда, по воспоминаниям Мирославы, они все-таки жили лучше других...

То есть для Ивана Николаевича отнюдь не было незнакомо состояние бедности и неприкаянности, да и меркантильным его не назвать. Но вот в отношении

зятя он внезапно менял свои убеждения на сто восемьдесят градусов. Почему? Наверно, просто потому, что души не чаял в дочери и хотел бы, чтобы ее муж стал для Мирославы таким, как он сам — каменной стеной и непреодолимой для врага крепостью. Денис же не казался Ивану Николаевичу ни крепостью, ни каменной стеной — так, заборчик, овечка перепрыгнет.

Кроме того, родители Дениса отдали молодоженам одну из своих двух хилых дачек. Так уж вышло, что семья Дениса сначала получила дачный участок в пригороде, а потом умерла бабушка Дениса, мать его отца, и в наследство семье достался крепкий сельский дом. На последнем родители Дениса и сконцентрировались, а совдеповский курятник из фанеры отдали сыну. Впрочем, важен был не курятник, а восемь соток земли, упирившихся в мелкую, курице по колено, речушку.

Эту дачку Денис все тщился превратить во что-то более или менее пристойное. Из-за недостатка финансов получалось плохо. Точнее, совсем не получалось, и восемь соток молодого семейства украшал все тот же щитовой домик, кое-как покрашенный и перекрытый вместо шифера ондулином. Но летом при хорошей погоде Денису с Мирославой было вполне уютно в его крохотной комнатке с примыкавшей к ней еще более крохотной кухонькой. С милым, как говорится, рай и в шалаше. Даже в таком — хилом и убогом.

Мирослава работала в школе на полторы ставки, попутно овладевая востребованной профессией логопеда. Это было чуть больше, чем ничего. Ее родители

не стали информировать молодую семью о более чем солидной денежной «подушке», которая образовалась от многолетней сдачи квартиры в Хвостовом и тщательно копилась на приданое, но Мирославе намекнули, что как бы она ни спорила, а материальную помощь от любящих предков принимать придется. Вот из этой-то «подушки» периодически и выщипывались «перышки» молодым на пропитание. Мирослава не становилась в позу, жалея мужа, которого элементарно хотелось хорошо кормить, и не хотела огорчать родителей, которые, как она понимала, желали им только добра. Ей самой требовался минимум, что в еде, что в одежде. Она была пусть и современной девушкой, но ее никогда не влекли ни блестящая мишура ночных клубов, ни светская суета модных тусовок. Хотя, разумеется, выставки или премьеры никогда не пропускались, но расходов они совершенно не требовали. Родительские сердца обливались кровью, но в то же время и полнились гордостью за дочь. «Жена декабриста, понимаешь», — с горечью сетовал Иван Николаевич.

Денис, в общем и целом всегда витающий в облаках, как настоящий «художник», был весьма далек от быта. Он подрабатывал, где мог, даже грузчиком и сторожем, грачевал на несчастном «жигуленке», на работе писал рекламные статейки от прославления продукции колбасных заводов и продвижения автошкол до рекомендаций подросткам, в чем надлежит являться на первое свидание. Но не это занимало его голову. Он был всецело поглощен Главной Идеей.

Эта идея, сюжет романа, пришла ему давным-давно, еще на первом курсе. Денис даже не помнил, с чего все началось. Просто внезапно его осенило, и все. Бывают такие озарения, ни с чего, с какого-то случайно упавшего на плечо осеннего листа или внезапно разбитого бокала. А Вишняков просто увидел свою тень на стене. Она повторяла его позу, но казалась ему странно угрожающей, хоть и тонкой и зыбкой. Хрупкость и бренность земного существования, и сила, мощная, темная, древняя, атавистический страх к которой живет в сердце любого цивилизованного человека, способного прислушаться к своим глубинам... Его ожгло изнутри. Вот же оно, вот!

Ну да, тема не нова — человек и его тень. Кто только ее не разрабатывал в тех или иных формах — поэты, прозаики... драматурги, певцы, художники, даже мимы! Но ведь дело не в том, что идея была много раз использована, дело в том, как ее подать и раскрыть! И Денису показалось вдруг, что только он один и знает **как**. Единственно возможным, самым лучшим, самым бьющим в точку способом. Это будет **не** тень. А нечто совершенно другое, более острое, более опасное, более... **вот это да!**

«Дьявол в сердце ангела» — будто наяву услышал он шепот.

Невероятно! Именно так, дьявол в сердце ангела! Потрясающее название!

Он обходился без техники, без диктофона или компьютера, ведь вдохновение могло застичь его где угодно, хоть во сне, хоть, извините, в туалете, а он

знал, что вдохновение штука капризная, не ухватишь за хвост — и оно улетит, поминай как звали! Он начал писать немедленно. На каких-то случайных листках, в тонких тетрадях, на всем, что попадалось, и когда его накрывало. А накрывало его постоянно, какими-то судорожными лихорадочными волнами. На переменах, на парах, в транспорте. Он зачитывал свои наброски однокашникам, тем, кто мог воспринять и осмыслить. Таких было очень немного. Ему говорили: «Дениска, это круто», и даже эти квелье инфантильные оценки подхлестывали его продолжать и продолжать. Он убеждался, что у него есть талант! Он способен сказать **новое слово**! Впрочем, даже без поддержки со стороны его несло во весь опор, как одержимого.

Иногда первым слушателем был Мишка, иногда Мирослава. Мишка выражался простецки: «Всех порвешь, коли судьба будет завершить сию глобальную работу». Мирослава считала, что это, вероятно, станет главным трудом его жизни, если, конечно, вложить туда всю душу, и морально помогала, как могла. Слушала, советовала, спорила, подсказывала неожиданные повороты, свежие решения. Но иногда Денис словно пропадал из окружающего мира — совсем пропадал. Погружался в ткань повествования, переселялся в свой мир, созданный его фантазией мир его произведения. На полдня, на день, на несколько дней, рывками и зигзагами.

Свою задумку он и решил назвать так, как подсказал ему таинственный шепот, однажды прозвучавший

в ушах или даже в его голове, — «Дьявол в сердце ангела», и основа будущей книги строилась на классическом мистическом противостоянии добра и зла, Бога и дьявола. Казалось бы, тема избита, истрепана, ничего нового уже не скажешь...

Это беспокоило Дениса, но он с упрямством проклятого продолжал работать.

По сюжету в сердце одного из ангелов проникает дьявол и начинает разрушать его изнутри. Денис хотел показать, насколько сильным и жестоким является действие зла, способного уничтожить даже то, что является вершиной добродетели и света. Жестокость эта не являлась, бряцая доспехами, и не объявляла войны в открытую — нет, она иезуитски подтачивала, капля за каплей, день ото дня, как наваждение, как болезнь. Он тщательно обдумывал идею, писал наброски, забрасывал синопсисами издательства. Чаще всего ему не отвечали. Несколько раз просили прислать полный текст. Он присылал отрывки, торопясь заявить миру о том, что нашел панацею от моральных и физических бед. Ему снова не отвечали. Один раз снизошли до похвалы его гладкости изложения, и на этом все закончилось. Он снова писал, переписывал, присылал...

Один раз, отчаявшись и держа втайне ото всех свой порыв, пошел в храм, поставил свечу: «Помоги, Господи!» Молился про себя, напоминал себе — вот ведь говорят же: «Просите, и дастся вам»... Сначала казалось, что небеса откликнулись на его зов — сложный сюжетный узел, над которым Денис бился несколько недель, «развязался» словно сам собой.

Но в отношении публикации не изменилось ровным счетом ничего. Издательства не предлагали ему свои услуги, кроме платных, такое сотрудничество было бессмысленным, никто не обещал купания в золоте и не прочил обеспеченного будущего.

Тщетно он проглядывал свою электронную почту в надежде на ответ; проверял и папку спама, вдруг именно туда «провалилось» вождеденное послание. Как безумный бросался открывать письма, увидев вождеденное слово «издательство» — нет, нет и нет, это были стандартные рекламные рассылки бесчисленных коммерчески ориентированных типографий, которым почему-то приспичило называть себя гордым словом «издательство»...

Со времен студенчества текли годы, изменялись обстоятельства. Но ситуация с романом не сдвигалась с мертвой точки.

Мишка сочувствовал, говорил, чтобы Денис не сдавался ни в коем случае. «Мужики не сдаются», — шутил Михаил на свой манер. И это на какое-то время бодрило и придавало сил для дальнейших попыток.

Мирослава оказалась настоящей женой писателя. «Жена декабриста, чтоб ему пусто было», — продолжал повторять ее отец, и если бы Денис слушал его внимательно, то заметил бы в тоне тестя нотки невольного уважения — но не к нему, а лишь к собственной дочери. А она смирилась с тем, что ее избранник просто непонятый гений, и терпеливо ждала, когда удача повернется к ним своими лучшими частями тела. Но пока что эти части были так же неаппетит-

ны, как завтраки, обеды и ужины, состоящие из макарон с сыром или дешевыми сосисками, и так же неприглядны, как заросшие сорняками летние виды из окна фанерной развалюхи, которую они по-прежнему гордо именовали дачей. Мирослава покорно полола еще и эти сорняки, но урожай на их скромном огорожке был еще скуднее, чем урожай на литературном фронте, поскольку ни у Дениса, ни у Миры не обнаружилось ни малейшего таланта к земледелию. Поэтому родители Дениса скрепя сердце, как пара гнедых, вкалывали на подаренной детям даче. «Отдыхали», как говорится, с лопатами в руках, чтобы обеспечить молодую семью на зиму закатанными баночками экологически чистых солений и варений, чтобы хоть как-то сэкономить их скудные зарплаты...

Конечно, можно было даже на такие зарплаты иногда позволять себе кратковременный отдых на тех морях, где отдыхают буквально все. Или ремонт. Но проходило время, месяцы складывались в годы, ничего толком не получалось. Один раз родители Мирославы отправили их в Турцию, хотя дочь отчаянно сопротивлялась, говоря, что подачка обидит мужа... Еще раз они сами съездили в Крым на неделю на деньги, полученные Денисом за одну из «шабашек» — статью о варягах в Константинополе.

А потом Мирослава буквально взмолилась о ребенке.

— Дениска, я уже по всем канонам старородящая, — сказала она. — Разве что не по европейским... Ну так мы и не в Европе, зачем она нам сдалась!

Представь, там считается за правило обзаводиться потомством как можно позже, достигнув максимального благополучия! Ну а роды после тридцати пяти признаются уже чуть ли не нормой... Но ведь это неправильно, когда мать выглядит как бабушка. Дениска! Мне не нужно максимального благополучия, понимаешь, мне просто нужен ребенок, наш с тобой ребенок!

Денис не возражал, но он хотел, чтобы у его детей было все самое лучшее и чтобы именно он обеспечивал это «самое лучшее». Он не сомневался, что его родители и особенно родители Мирославы могут обеспечить это, но ведь они, а не он! Его ужасно раздражало то, что он, взрослый мужик, и вынужден, как мальчик, принимать помощь родителей и особенно почти ненавистного солдафона-тестя. Но, как ни крути, Мирослава была, безусловно, права...

В конце концов Денис сказал себе, что тысячи семей живут, и счастливо живут, не имея золотых гор, зато имея «золотых» любимых детишек. И поднял белый флаг.

Когда родился Ванечка, стало, как ни странно, немного легче. Новоиспеченные бабушки и дедушки с обеих сторон взяли на себя опеку над семейством Вишняковых, хотя тесть-полковник по-прежнему скрежетал зубами. Конечно, не потому, что тратились деньги, их все равно теперь было у родителей его жены, как говорится, «как у дурака фантиков». Полковник не видел перспективы. Не верил, что у Дениса может когда-нибудь что-нибудь получиться.

Более того, во всем мире в то, что у Дениса что-то получится, верили ровно два человека — Мира и Мишка, и более никто. Действительно, только два, поскольку сам Денис в глубине души не верил в свою счастливую звезду. Да, он напишет самый гениальный роман нового века, но в том, что благодаря этому он, Денис Вишняков, станет известным или хотя бы выберется из финансовой ямы, он уже почти разуверился.

Дефицит веры всегда был ахиллесовой пятой Дениса. Он не верил, что поступит в институт, не верил, что защитит диплом, не верил, что сможет нормально устроиться в жизни. Даже в храме Вишняков не верил, что его молитва способна что-то изменить. Почему вдруг Бог должен его слушать? Кто он? Какой-то писатель-неудачник, и только...

Тем не менее он сделал еще одну попытку, когда Ванечка, которому не было еще и года, подхватил воспаление легких. Ваня выздоровел — стараниями всей семьи, в особенности тестя, устроившего дочь с внуком в отделение матери и ребенка при ЦКБ на Рублевке. Но потом, еще до того, как жена с сыном выписались из больницы, у Дениса вдруг взяли в журналы несколько рассказов. Это ободрило и его самого, и измотанную болезнью сына Миру. Ободрение это было, разумеется, больше моральным, чем материальным. Рассказы же все-таки, а не романы, и гоноرار, соответственно, получился, как говорится, жене на булавки. «Точнее, на одну маленькую булавочку», — не преминул добавить ложку дегтя в бочку меда тесть.

Тестя можно было понять — в ЦКБ попадет не каждый, и стоит это не пять рублей и даже не пять тысяч.

— Пап, но ты же сам меня учил, что людей надо оценивать по вместимости их сердца, а не кошелек! — парировала Мира — и полковник отступал, до поры до времени. Тем не менее тесть продолжал считать Дениса законченным неудачником, хотя к тому времени Вишняков был еще и внештатником в нескольких бумажных газетах и писал для интернет-изданий. «Из пушки по воробьям», — беспощадно резюмировал Иван Николаевич.

Но идея романа «Дьявол в сердце ангела» не давала покоя, она раскаленным железом жгла душу Вишнякова. Тесть, как приверженец грубого армейского юмора, конечно, называл это совершенно по-другому — шилом в мягком месте, если убрать специфическую военную терминологию. Иван Николаевич, конечно, был наслышан, что зять «чего-то там пишет великое», но относился к его творчеству, мягко говоря, без особого энтузиазма. «Раньше говорили — «мужик пашет». Теперь — «мужик пишет», — с сарказмом утверждал бывший военный...

Вишнякову казалось, что именно эта книга вознесет его на литературный олимп, а все вокруг только и ждут ее появления. Нет, не ждали, оказывается. И без него «гениев» хватало. Мирослава очень переживала. Называла супруга «мастером», поддерживала во всем. Он шутил, что не станет называть ее Маргаритой, ведь та была ведьмой, а Мирослава — его добрый ангел...

А через два года с небольшим после Ванечки родилась Катюшка. Не планировали, так получилось. Кошунственный вопрос о том, «оставлять или нет», даже не поднимался. Бабушки все чаще повторяли фразу «Бог дал детей, Бог даст и на детей» — и ничего, как-то выкручивались. Бог давал ровно столько, чтобы совсем не упасть за черту бедности. Не падали. Спотыкались и шли потихонечку дальше. Делали больше, чем от них ожидали, даже больше, чем они сами от себя ожидали. Мирославе пришлось уйти из школы, она на дому давала частные уроки, занималась с людьми любого возраста логопедией, писала за «особо одаренных» курсовики и дипломы — и все это, как говорится, не спуская на пол собственных чад. И всегда с улыбкой, легко и ненапряжно. Ее вела любовь, к тому же она, офицерская дочь, в раннем детстве знавшая и кочевую жизнь, и нищету, умела принимать боль и разочарования как часть жизни.

Но всему бывает предел. Денис Вишняков не являлся ни слепцом, ни идиотом и прекрасно понимал, что, кажется, заигрался. Большая Литература с огромными тиражами и отчислениями с оных упорно не пускала его в свои святая святых, и ее ворота отнюдь не спешили гостеприимно открываться перед начинающим писателем. Разумеется, он понимал, что именно благодаря родителям Мирославы они сейчас не подышают с голоду и не ходят в обносках — уж дети то были одеты по последней моде и с самого рождения не имели никаких проблем ни с чем, начиная от памперсов и заканчивая игрушками-безделушками,

а о витаминах и прочем здоровом питании нечего и говорить. Все равно, по мнению Дениса, и дети, и особенно Мира, заслуживали большего, лучшего, самого лучшего! И пусть Мира часто повторяла ему еще одну житейскую мудрость: «Если хочешь стать богатым, не помышляй увеличить свое имущество, а только уменьши свою жадность», Вишнякова это не успокаивало, а только вгоняло в еще более депрессивное состояние. Кроме того, «молодым» и «начинающим» писателем Дениса можно было уже назвать с большим трудом. Все-таки тридцать восемь лет... Утешало (если можно так выразиться) только одно — что с курса Мирославы тоже никто писателем не стал, хотя многие стремились. Преподаватели, репетиторы, блогеры... Филология, считал Денис, помогает препарировать тексты, а не создавать их. «Музыку я разъял, как труп», — порой подтрунивал он над филологами, которые писали; намекал на Сальери, который был, по Пушкину, не композитором, а ремесленником.

Ослепленный, с одной стороны, безрадостностью мглисто-серых будней, с другой — Великой Идеей своего романа, Денис не замечал банальных вещей — он стремился стать писателем, но не создал ни одного стоящего произведения, все силы и все время вкладывая в свою «одну, но пламенную страсть». Стремился не к совершенству, как следовало бы, а к недостижимому идеалу. Он подрабатывал рерайтером, кропал статейки и заметки, но гордо отказался от предложения стать литературным негром. Предложение ему притащил его единственный настоящий друг.

Энергичный и пробивной Мишка, что называется, поднялся — был востребован, и даже уже узнаваем, хотя и цену за это заплатил немалую. Кстати, тесть Дениса, шапочно знакомый с Мишкой, друга Дениса уважал. «Настоящий мужик, поучился бы», — говорил он, и после этого Денису какое-то время не хотелось Мишку ни видеть, ни слышать.

— Ну и какого черта ты артачишься? — говорил тот, угощая Дениса пивом на веранде летнего кафе. — Корона с тебя спадет, что ли? Подумай сам — Дюма-сын тоже работал литературным негром — и так руку набил, что сразу выдал «на-гора» «Даму с камелиями». Вот и согласился бы, набрался опыта.

— Да пойми ты, не могу я так, — упрямылся Денис. — Халтуру гнать не умею, а что-то стоящее отдавать чужому дяде совесть не позволяет.

— Да при чем тут совесть? — отмахивался Мишка. — Гонор, гордыня — это да. Слушай, ну ты бы хоть своих пожалел, ведь и деньги хорошие.

— Не могу, — упрямо отвечал Денис.

— И что с тобой делать?! — воздевал руки к небу Мишка. — По нашей линии тебе ловить нечего. Вот какого, спрашивается, лешего ты пошел в тележурналисты, а не в Горьковку? Ты же в нашей профессии сам как труп! Ты балласт, дружище!

— Да не думал я становиться писателем, — отбояривался Денис. — Оно само накрыло, что ты будешь делать!

70 — Я что буду делать? — пожал плечами Мишка. — Я знаю, что мне делать. Работать, заниматься своим

делом, и характер с амбициями крепко в узде держать! И тебе советую то же. Работай. Хоть на дядю, хоть на самого дьявола, но работай!

Тем не менее он даже иногда брал у Дениса интервью, совал его, как мог, во всякие сюжеты на местном, редко федеральном телевидении — чтобы тот совсем не захирел от безвестности. Одному Богу известно, под каким соусом Мишке это удавалось, но благодаря своему другу Денис, не написавший ни одной книги, кроме дюжины рассказов, мелькал в телевизоре с пометкой «писатель».

— Как мне хочется добавить в бегущую строку «автор бестселлера такого-то», — сокрушался Мишка, возможно, ожидая услышать: «Скоро добавишь, дружище».

— А уж мне как хочется, — беспомощно вздыхал Денис.

* * *

Однажды утром Мира с детишками уехала погостить к маме на их полковничью дачу, а Денис... Денис решил напиться. На душе было гадостно, и уже давно. Депрессия незаметно вползла внутрь, пустила корни, как сорняк, и жаждала полива. Последнее время травить себе душу было его любимым занятием. Если не получается ничего другого, что же еще остается?

Вишняков даже в дни студенчества не отличался тягой к алкоголю, и если что-то себе и позволял, то только скромную бутылочку пива или рюмочку конья-

ку на работе у Мишки в день сдачи материала, точнее, под конец дня, когда этот материал был сдан в срок и одобрен начальством. Ну и, разумеется, обстоятельные посиделки с тем же Мишкой по предварительному договору с женами.

Но нынче в Денисе что-то надломилось, и он буквально физически почувствовал: сегодня все. Что «все», этого даже себе самому пояснить не мог. Но воздух вокруг него трепетал и надувался парусом корабля, который вот-вот унесет в неизвестность. И Вишняков сдался на волю волн.

Он решил, что это будет просто водка. В полном одиночестве. То есть нет, конечно, не в одиночестве, он же не алкоголик какой. Надо выйти на люди — какой-никакой сдерживающий фактор. Он поел как следует дома, чтобы не тратиться на кафешные изыски. Прикончил картошку, которую нажарила Мирослава, и закусил яичницей. Вот сейчас мрачно сядет куда-нибудь в тихий угол... и предастся самокопанию. Самое милое дело. Особенно когда ничего другого судьба просто не предлагает. Самокопаться, самобичеваться и посыпать главу пеплом несожженного шедевра. Даже недописанного...

Кафе называлось «Баста». Отличное название. Баста, сегодня все переменится. И антураж для мрачных раздумий подходящий вполне — полуподвал, сводчатые потолки, стены отделаны натуральным камнем. Грубые деревянные столы, тяжелые стулья, больше похожие на табуреты со спинками. Стильный средневековый трактир. Некоторые столы были по-